

Вырезка из журнала

СОВЕТСКАЯ МУЗЫКА

№ 1

1952

Монюшко в России

Игорь БЭЛЗА

«Вы слышите! На Висле брань кипит», — взволнованно писал декабрист Одоевский, стихотворением своим «При известии о польской революции» откликнувшийся на восстание 1830 года и на панихиду, которую в самом начале этого восстания отслужили польские патриоты по казненным декабристам.

Передовые идеи освободительного движения способствовали сближению прогрессивных кругов русской и польской общественности, совместно боровшихся с темными силами реакции. В борьбе против социального и национального гнета, в борьбе за развитие национально-самобытной культуры польские патриоты неизменно находили поддержку передовых деятелей русской общественности.

Высокие вольнолюбивые стремления объединяли Пушкина и Мицкевича. Великий Глинка долгие часы проводил в беседах со своими варшавскими друзьями, искавшими путей развития польской национальной оперы, — композитором Каролем Курпиньским и автором текста «Гальки», поэтом Влодзимежем Вольским.

Сердечная дружба связывала с русскими музыкантами и Станислава Монюшко, встретившего в России признание и поддержку в борьбе за утверждение демократических основ национальной польской музыкальной культуры.

Монюшко неоднократно бывал в Петербурге (в 1842, 1849, 1856 и 1870 гг.). В русской столице он встречался с Глинкой, Даргомыжским, Серовым, Балакиревым, Мусоргским, Кюи. Выдающиеся деятели русской музыкальной культуры высоко ценили дарование польского композитора, национальное своеобразие его творчества.

Серов и Кюи не раз выступали с содержательными критико-биографически-

ми статьями о Монюшко и его творчестве, горячо пропагандируя лучшие его произведения. Одну из своих статей — «Музыкальные сочинения Станислава Монюшки» — Серов заключил следующими словами:

«Величайшею для меня радостью было бы, если б мои коротенькие беглые заметки об отличных сочинениях г. Монюшки могли хоть сколько-нибудь принести свою пользу, то есть придать побольше известности столько необыкновенному таланту этого отечественного композитора».

Серов в полной мере оценил народность истоков музыки Монюшко. Отмечая преемственную связь его искусства с творчеством Шопена, выдающийся русский критик подчеркивал, что залогом успешного развития музыкальных культур славянских народов является богатство их народно-песенного творчества, в котором «всегда кроется живительная сила для композиторов».

Русские музыканты отдавали должное высокому мастерству Монюшко. Серов писал: «...контрапункт свободно повинуется ему во всех своих изгибах, оркестрные сочетания, при отсутствии всякой вычурности, иногда поразительно оригинальны; оркестровка вообще прозрачная, вроде М. И. Глинки, и постоянно столько же интересная и мастерская.

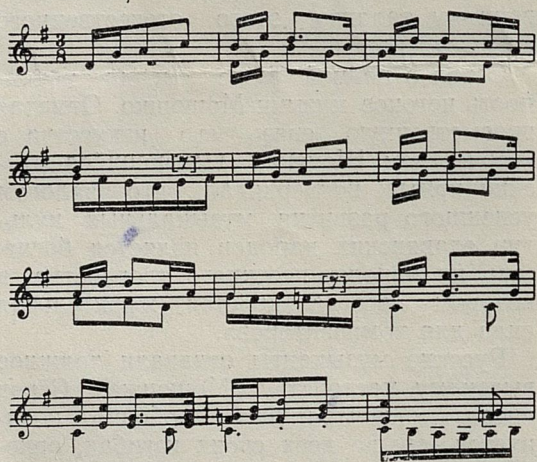
Но всего этого еще мало, если б не было мелодичности, если б не было свежих, поэтических напевов, которые служат основными мыслями музыки...»

Мастерство польского композитора отмечал и Даргомыжский¹. Автор «Русалки» с дружеской симпатией относился к

¹ См. письмо к Л. И. Кармалиной от 6 декабря 1856 года в сборнике «А. С. Даргомыжский. Автобиография. Письма. Воспоминания», Петербург, 1921.

Монюшко. С живейшим участием он следил за сочинением «Гальки», знакомился с партитурой еще в первой, так называемой виленской (двухактной), редакции.

Монюшко дорожил суждениями Даргомыжского и посвящал его в свои творческие планы. 9 ноября 1864 года Даргомыжский писал С. Степановой из Варшавы, что часто видится с Монюшко, который уже играл ему «свои новые оперы». Вероятно, среди них была тогда близившаяся к окончанию опера «Зачарованный замок» («Strasny Dwór»), над партитурой которой Монюшко начал работать в июне того же года. Заметим попутно, что на премьере этой оперы, состоявшейся в Варшаве 28 сентября 1865 года, присутствовал петербургский композитор и теоретик Г. Демидов, в альбоме которого Монюшко сделал затем запись, датированную 8 октября 1865 года: «à Monsieur Demidow en souvenir de Varsovie. Stanislaw Moniuszko», сопроводив эти слова нотной строчкой:

Это начало женского хора из первой сцены второго акта «Зачарованного замка», изложение которого несколько отличается от окончательной редакции¹. Приведенная запись Монюшко несколько пополняет наши сведения о круге его петербургских знакомств.

¹ Сравни. стр. 112 клавира оперы в варшавском издании 1937 года. Данный автограф Монюшко находится на 33-м листе демидовского альбома, ныне хранящегося в библиотеке Ленинградской Государственной консерватории. Альбом Демидова был указан мне С. Вильскер, которой я приношу свою искреннюю благодарность.

Монюшко посвятил Даргомыжскому свою симфоническую «Сказку» («Baika»)², первую тему которой вписал в альбом Даргомыжского.

О дружеских отношениях двух композиторов свидетельствует и неопубликованное письмо Монюшко к Даргомыжскому, которое мы приводим ниже в русском переводе³:

Господин Аполинарий Контский поручил одной из варшавских газет известить, что «благодаря его хлопотам опера нашего Монюшко будет дана в Петербурге и что он уполномочен дирекцией императорских театров вести переговоры с автором, предложив ему чрезвычайно благоприятные условия».

Зная повадки г-на Контского, я сильно сомневаюсь в достоверности этого известия. Надобно Вам сказать, что со времени появления моей оперы «Галька» на варшавской сцене положение мое в значительной степени улучшилось. Публика относится к моей музыке как нельзя лучше. Вот это и заставило г-на Контского — после того, как он перестал преследовать меня, что он делал на протяжении некоторого времени, то есть в период своего величия, — начать ухаживать за мной с целью извлечь пользу из того впечатления, которое может произвести на публику, с некоторых пор липившую его своей благосклонности, сочетание моего имени с делами организуемого им института.

Обо всем этом я пишу в полном убеждении, что обращаюсь к тому, кто, проявив столько доброты по отношению ко мне и найдя столько достоинств в моей музыке, вновь, несмотря на перерыв в наших отношениях, вспомнит о человеке, которому он некогда покровительствовал.

Речь идет о том, чтобы узнать в точности и как можно скорее, что

² Рукописная партитура этого произведения с автографом Монюшко — посвящением Даргомыжскому — хранится в Ленинградском Государственном научно-исследовательском институте театра и музыки.

³ Подлинник письма, написанного на французском языке, хранится в Пушкинском доме. Там же находится альбом Даргомыжского.

именно является достоверным в вышеупомянутой статье, тем более, что возвращение Контского и все вы сказанное им ни в малой мере не разубедили меня, а, наоборот, укрепили в моих подозрениях. Я рассчитываю на Вашу доброту, на то, что Вы не откажетесь помочь мне узнать правду. Никто кроме Вас не сможет так легко спасти меня от опасности оказаться в смешном положении, которое угрожает мне, если я поддамся на заигрывания моего собрата.

Я буду очень счастлив прислать Вам свою оперу, которая с тех пор, как Вы просматривали ее, подверглась многим изменениям, пошедшим ей на пользу. Но я не смею тешно предаваться мечтам, что постановка «Гальки» даст мне возможность вновь увидеть Вас и провести несколько таких же минут, как те, которые Вы подарили мне и благодарное воспоминание о которых осталось у меня на всю жизнь.

Смею надеяться, что во всяком случае Вы не откажетесь написать мне несколько слов в ответ и простите мне ту полную откровенность, с которой я обращаюсь к Вам, в такой же мере рассчитывая на Ваше расположение ко мне, в какой я хочу заслужить его.

Тысячу и тысячу раз обнимаю Вас.

С. Монюшко

Моею оперой интересуется Г-н Федоров (как говорит К.).

Прошу Вас сообщить мне адрес моего неопределенного Бенедиктова. Ведь это на его безграничную любезность я могу рассчитывать в случае, если перевод окажется необходимым.

Варшава, улица Вежбова № 2

Как видно по содержанию письма, оно было написано уже после варшавской постановки «Гальки», премьеры которой состоялась 1 января 1858 года, но до 14 января 1861 года — даты открытия Варшавского музыкального института (консерватории), организованного упомянутым в письме польским скрипачом и музыкальным деятелем Аполинарием

J'ose espérer qu'en tout cas Vous ne me refuserez pas quelques mots en réponse et Vous m'excuserez cette pleine confiance avec laquelle je compte Vous trouver autant bien disposé pour moi, comme je voudrais jeter tout de suite.

Je Vous embrasse mille et mille fois.

Moniuszko

C'est Mr Fedorow qui s'intéresse à mon opéra (comme dit K.).

Je Vous prie de me procurer l'adresse de mon respectable Benediktow. C'est dans son amabilité sans bornes que je puis compter en cas de la traduction de mon opéra.

Varsovie Rue Wierzbowa N° 2

Последняя страница письма Монюшко к Даргомыжскому

Контским. Правильнее всего отнести это письмо к концу лета 1859 года, так как именно тогда Контский вернулся в Варшаву из Петербурга, где он хлопотал о разрешении организовать институт (оно было дано 28 августа 1859 года).

Напряженность отношений между Монюшко и Контским объясняется принципиальными соображениями, руководившими Монюшко как в творчестве, так и в музыкально-публицистической его деятельности.

Нет надобности отрицать заслуги Аполинария Контского в музыкальном исполнительстве и педагогике. Но следует вместе с тем отметить, что его сочинения (так же как и сочинения его брата — пианиста-виртуоза Антони Контского) не отличались высоким вкусом. Монюшко дал в печати резко отрицательную оценку пьесам Контских.

В письме Даргомыжскому Монюшко с полной откровенностью описал создавшуюся ситуацию, подчеркнув, что ему меньше всего хотелось бы пользоваться посредничеством Контского в переговорах о постановке «Гальки» в Петербурге.

Письмо содержит косвенные указания на то, что Даргомыжский прежде просматривал партитуру «Гальки» (в письме речь идет уже о «варшавской», четырех-актной редакции).

Заслуживает внимания в публикуемом письме Монюшко упоминание о Бенедиктове. Это Владимир Григорьевич Бенедиктов, известный поэт, который перевел на русский язык почти всего Мицкевича, в том числе и те стихотворения его, которые положил на музыку Монюшко. Созданный польским композитором во второй половине 60-х годов вокально-симфонический цикл «Крымские сонеты» (слова Мицкевича) исполнялся в России в переводах Бенедиктова. На тексты Бенедиктова написаны некоторые песни Монюшко.

Обращался Монюшко к произведениям и других русских поэтов. Нельзя не отметить в вокальной лирике польского композитора «Песню бобыля», написанную на потрясающий своей обличительной силой текст никитинского стихотворения¹.

Не случайно к этому стихотворению обратился автор «Гальки». Напомним, что опера эта явилась непосредственным откликом на краковское восстание 1846 года и на развертывавшееся затем освободительное движение польского и украинского крестьянства. По замыслу Монюшко и его либреттиста Вольского, «Галька» должна была заканчиваться сценой крестьянского восстания, от которой, однако, по цензурным соображениям пришлось отказаться.

Патриотическая направленность творчества Монюшко ярко проявилась в стремлении воплотить в музыке образы народно-освободительного движения и в его борьбе за национальную самобытность польской музыкальной культуры, за последовательное развитие ее народных истоков.

В этой борьбе Монюшко опирался на поддержку авторитетнейших русских музыкантов, передовых кругов русской общественности, а также на опыт русской музыкальной культуры. Все это помогло польскому композитору создать подлинно классические образцы национально-своеобразной польской оперы и песни. Ни Стефани, ни Эльснер, ни Курпинский не разрешили этой трудной задачи, хотя и сыграли известную роль в качестве предшественников Монюшко.

Решающее значение для формирования творческого облика автора «Гальки»

¹ Автограф хранится в Государственном Центральном музее музыкальной культуры в Москве.

имела «живительная сила» (вспомним еще раз это прекрасное определение Серова) народного творчества, к истокам которого направляли Монюшко его демократические взгляды и убеждения. Монюшко постиг и глубоко осознал величие Шопена как гениальнейшего выразителя творческой мощи польского народа. Вместе с тем в бессмертных творениях Глинки и его продолжателей он нашел путеводные указания для развития польской музыкальной культуры.

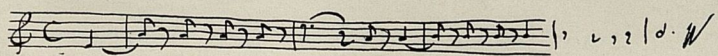
Монюшко понимал значение русской музыкальной классики для развития музыкальных культур братских славянских народов. Он с детства полюбил песенное творчество не только польского, но и русского, украинского и белорусского народов. В его музыке сочлелись родственные интонации западнославянской и восточнославянской песенности. Это еще более приближало Монюшко к русской музыкальной культуре, к ее великим мастерам.

Еще при жизни Монюшко творческие, общественные и личные связи передовых русских и польских музыкантов отличались прочностью и многообразием. В состав профессуры Петербургской консерватории вошел знаменитый польский скрипач Генрик Венявский, а среди первых профессоров Московской консерватории был его брат, пианист Юзеф Венявский. В России получали образование многие польские музыканты. В развитии и укреплении русско-польских музыкальных связей серьезное значение имела не только композиторская, но и общественно-педагогическая деятельность Монюшко. Несмотря на то, что причины, изложенные им в приведенном письме к Даргомыжскому, побудили его вначале отклонить предложение Контского войти в состав профессуры Варшавского музыкального института², Монюшко все же согласился впоследствии вести класс композиции в этом институте, ибо, как всегда, принципиальные соображения у него взяли верх над личными. Он хорошо понимал, какое значение для судеб польской музыки имеет воспитание молодых кадров. Своим ученикам он стремился прививать любовь к народному творчеству, вооружать их знанием клас-

² В списке педагогов института, опубликованном Контским в «Варшавской газете» в 1860 году, имя Монюшко отсутствует.

Станислав Монюшко

Stanisław Moniuszko

1849. Maj 2. Petersburg

Автограф Монюшко из альбома Даргомыжского

сической литературы и профессионально-техническими навыками и вместе с тем воспитывать симпатии к русской музыке.

Произведения Монюшко стали достоянием русской музыкальной культуры еще при жизни композитора.

На музыкальных вечерах, периодически устраивавшихся у Даргомыжского, ученицами Александра Сергеевича «пелись сочинения его, Глинки, Монюшко, Глюка, Вебера, Мегюля, Обера, Гуно — одним словом все, что только было хорошего в музыке»¹.

Глинка, Даргомыжский, Серов, Балакирев, Мусоргский и другие деятели русской музыки с большим интересом знакомились с произведениями польского композитора. Первые публичные исполнения крупных произведений Монюшко в Петербурге состоялись под управлением автора.

Так, в 1849 году Монюшко дирижировал в Петербурге своей «Сказкой» и кантатой «Мильда», в 1856 году — кантатой «Ниола» (написанной, подобно «Мильде» и «Крумине», на сюжет «Витольрауды» Крашевского), «Сонетом Петрарки» (для баритона, хора и оркестра), увертюрой «Каин» и другими произведениями.

Отрывки из «Гальки» исполнялись в России еще до петербургской премьеры оперы. Весной 1867 года Балакирев включил в программу своего «славянского концерта» арию Гальки, исполнявшуюся талантливой русской певицей Ю. Платоновой. Спустя два года в Москве, на сцене Большого театра, были показаны отрывки из оперы Монюшко, а 4 (16) февраля 1870 года состоялась премьера «Гальки» на сцене Мариинского театра под управлением Э. Направника, с той же Платоновой в заглавной роли.

Монюшко приехал в Петербург на эту постановку², которую он впоследствии в

¹ Воспоминания В. Т. Соколова в сборнике «А. С. Даргомыжский», Петербург, 1921, стр. 145.

² В отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде хранится поступившее туда из собрания П. Л. Вакселя неопубликованное письмо Монюшко от 31 января 1870 года к инспектору Варшавского музыкального института, композитору Юзефу Бжовскому с сообщением об отъезде Монюшко из Варшавы в Петербург.

Najmniejszą Instrukcję,

*Gwałtowna potrzeba dogrywania
do moich obowiązków. Na dwadzieścia
miejsc, jeżeli do Petersburga będę o
wrote na własny przebieg, wtedy
będzie prościej i o wiadomościach
moich o której mam i po własnej
krytyce? — Nie wątpię że Najmniejszą
Instrukcję będzie wzięła w moją rękę
wybitniejszą artystyczną i ludzką
sprawę własną na obywatelskiej Halce.*

moniuszkiński

M. Moniuszko

31/1/70.

Автограф письма Монюшко Юзефу Бжовскому

письме к директору казенных театров С. Геденову назвал «блестящей»³. В этом письме он сообщает о том, что выслал дирекции театров клавиш оперы «Парий». Отсюда можно сделать вывод, что во время последнего приезда Монюшко в Петербург с ним велись переговоры о постановке и других его опер.

Вскоре после смерти Монюшко его опера «Зачарованный замок» («Strasny Dwór») была поставлена в Киеве труппой Сетова, в репертуар которой входила также «Галька». О подготовке этой постановки, с успехом прошедшей в сезоне 1875/76 года, сообщал Чайковский в одной из своих музыкально-критических статей.

Выдающиеся деятели русской музыкальной культуры продолжали интересоваться творчеством Монюшко, о чем свидетельствует не только исполнение произведений польского композитора в нашей стране, но и эпистолярное наследие русских музыкантов, содержащее немало ценных сведений об их отношении к Монюшко.

³ Неопубликованное письмо от 31 мая 1870 года на русском языке (отдел рукописей Государственной публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде).

Вокальные сочинения Монюшко прочно закрепились в репертуаре русских певцов и в домашнем музыкальном быту нашей страны. Еще Серов писал о его романсах: «Я не задумаюсь поставить их на ряду с лучшим, что есть в музыке, в этом лирическом песенном роде... Грациозность и благородство напева, прелесть и ум обработки, решительное отсутствие всякой изысканности — вот особенно рельефные качества романсов г. Монюшки». О популярности, которую завоевали его песни, романсы и вокальные ансамбли в России, свидетельствуют многие издания этих произведений, печатавшихся в Москве и Петербурге.

Значительным событием в московской музыкальной жизни была постановка «Гальки» в Новом театре (6 сентября 1898 года) под управлением И. Альтани, с участием Н. Салиной и Л. Собинова. Исполнение партии Ионтека было одной из крупнейших творческих удач великого русского певца. Известно, что Собинов особенно любил эту партию, а знаменитую думку часто пел в концертах.

Нежданова, Собинов, Шаляпин и другие замечательные русские певцы исполняли в концертах и лучшие образцы вокальной лирики Монюшко. Заметим попутно, что семнадцатилетний Шаляпин впервые выступил на оперной сцене в роли стольника в «Гальке». Это было в Уфе, где, так же как и во многих других русских городах, шла опера Монюшко.

* * *

В ряде постановок «Гальки», осуществленных во многих театрах Советской страны, подчеркивалась вложенная композитором в оперу идея социального протеста. Правильное понимание замысла Монюшко обусловило в наше время и режиссерскую трактовку оперы и принципы ее музыкального исполнения.

Стремление раскрыть социальный пафос «Гальки» проявилось, в частности, в недавней постановке оперы на сцене филиала Большого театра в Москве. Можно не соглашаться с теми или иными частностями этой постановки, но надо признать правильной характерную для нее драматизированную трактовку музыки, действия (в особенности массовых сцен), а в соответствии с этим, и новую редакцию текста.

В Советской стране получили призна-

ние и многие произведения Монюшко, редко исполнявшиеся в дореволюционное время. Помимо «Сказки», в симфонических концертах и по радио звучат увертюры к операм «Графиня», «Парий» и «Явнута», струнные квартеты и фортепианные пьесы, сборник которых недавно выпущен Музгизом.

В репертуар наших музыкальных театров прочно вошло и одно из значительнейших произведений Монюшко — его опера «Straszny Dwór», название которой в соответствии с ее содержанием лучше переводить не «Страшный двор» (ибо никакого двора в этой опере нет), а «Зачарованный замок»; кстати сказать, именно под таким названием эта опера идет на чешских сценах.

Подобно Сметане в «Проданной невесте», Монюшко в своей комической опере «Зачарованный замок» развивает демократические основы национально своеобразной польской музыкальной культуры. Это своеобразие ощущается в партитуре «Зачарованного замка», блистающей богатствами польской народной песенности.

В концертном исполнении опера эта была показана в Москве в 1946 году ансамблем Всероссийского театрального общества под руководством К. Попова. По радио передаются монтаж и отрывки из «Зачарованного замка», в концертах исполняются чудесная ария Стефана и мазурка. В Ленинградском Малом оперном театре готовится постановка оперы.

В начале этого года, в связи с восьмидесятилетием со дня смерти Монюшко, в Минске, вблизи которого (в Убеле) родился композитор, Белорусский Государственный театр оперы и балета поставил оперу «Зачарованный замок».

Партитуру, клавиры, оркестровые и хоровые партии театр получил в подарок от польских музыкантов, сделавших на нотах надпись: *«В память Второго Всемирного Конгресса сторонников Мира в Варшаве и вечной нерушимой дружбы советского и польского народов в их общей борьбе за мир».*

В этой борьбе наши народы защищают мирный труд и культурные завоевания человечества, к которым принадлежат и произведения классиков русской и польской музыки, запечатлевшие историческую общность вольнолюбивых стремлений славянских народов.